

Новая газ. — 2000 — 26 июня — 2 июля — с. 14-15

Недавно я узнала, почему на кладбищах и у церквей принято подкармливать птиц. «Если душа родилась крылатой...» По поверью, молитва об усопшем становится зримее и доходчивее, если птицы небесные вкушают корм из руки молящегося. Ирина Метлицкая, Игорь Нефедов, Елена Майорова, Мария Зубарева, Сергей Шкалик, Алексей Селиверстов, Марина Левтова, Алексей Кузнецов, Евгений Дворжецкий... Актеры МХАТа, Российского молодежного, «Табакерки», театра Виктюка, театра им. А. С. Пушкина. Им всем было бы сейчас к сорока или чуть за сорок.

Не так уж и широк артистический круг Москвы. Все они были знакомы между собой, кто-то вместе учился, кто-то просто приятельствовал, пересекаясь на веселых премьерных гуляньях в ресторанчике ВТО или у общих друзей. Люди этого поколения еще умели дружить, что в общем-то актерской среде сейчас не слишком свойственно. Театральная молодежь начала 80-х — пограничное поколение, чьи творческие амбиции и абсолютная бескорыстная любовь к искусству безжалостно переломали жизненные реалии. А тогда... О московских кухнях, где накурено, наругано, стихов начитано, слез наплакано, морд набито и губ нацеловано, — говорить бессмысленно. Подлинность чувств была в полной мере подтверждена их жизнями. Короткими жизнями, о которых они, тогда юные счастливые обалдуи, еще ничего не знали, а я мучаюсь этим знанием спустя годы.

Две фотографии на моем столе наособицу. О них и рассказ с одной лишь целью, уже сформулированной Леонидом Филатовым: чтобы помнили. Два друга, рожденные в один год и погибшие в один день с разницей в шесть лет.

Женя Дворжецкий и Игорь Нефедов были очень дружны. Их объединяло многое — ранний старт, юность, духовная близость, общая сцена.

1980 год

Нахальный подросток Нефедов, только-только окончивший ГИТИС, случайно забрел в Центральный детский театр и решил поинтересоваться у нового главрежа А. В. Бородин, не нужны ли тому молодые таланты. Кроме дебюта в «Пяти вечерах» Никиты Михалкова, абсолютно свободной органики и полудетского обаяния, за душой у него в тот момент, в общем, ничего и не было. Его взяли. Через два года в театре появился Дворжецкий, выпускник Щукинского училища, а вслед за ним — Лара Моравская, Сережа Серов, Борис Шувалов, Яна Лисовская, Алексей Веселкин, Нина Дворжецкая, Алексей Кузнецов. Они были еще совсем юными, очень любили и оберегали друг друга, по-настоящему хотели только одного — играть, играть, играть!

Спектакль «Мы играем Маяковского» запомнился всем, кто его видел, феерической легкостью, свежестью, душевной сплоченностью. Создавалось главное — театральное братство. Театр становился Домом.

В 1985 году Академический Центральный детский театр выпустил спектакль «Ловушка № 46, рост второй», который расставил все акценты, вопросительные и восклицательные знаки в творческом манифесте Бородина со товарищи. С трудом сейчас улавливаемая актуальность неза-

тепной истории о том, как один подросток пнул ножом ровесника, об агрессии спортивных фанатов и дележе людей на тех, кто «в порядке», и тех, кто выбирает иные ценности, была подобна разорвавшейся снаряду. Снаряд долго прикрывали телами чиновники из Минкульта, несчетное количество раз запрещавшие премьеру, но он все-таки бабахнул! И как! Спектакль стал событием в театральной жизни. Главную роль — нежного, влюбленного, постепенно взрослеющего Чижика

исполнил Игорь Нефедов. Его друзей и врагов сыграли: Евгений Дворжецкий — Интер, страшное воплощение снобизма, Сергей Серов — Арлекино, жестокий и противоречивый главарь банды подростков, Алексей Блохин — слабый, беззащитный Мошк и Лара Моравская — Алена, символ женственности и жертвенности.

Разговор со зрителями на равных, гражданская позиция молодых актеров, заявленная без пафоса и подвывания, искренняя тревога за души и умы... Нефедов и Дворжецкий — талисманы Бородина, звездочки, трудяги. Казалось, все только начинается... Но в 1986 году Игорь покидает труппу ЦДТ.

Нефед

Талант, оказывается, все-таки передается и по наследству. Отец Игоря Вячеслав Нефедов признавался ярчайшим самородком среди однокурсников. К сожалению, его театральная карьера сложилась не слишком удачно, а обиды и горе у актеров нередко приняты за привычный способ — водкой.

Родители вскоре расстались, и Игорь воспитывался в Саратове у деда и бабушки. Раннее одиночество, ощущение брошенности вроде бы не сказались: он был легким, ярким, праздничным, остроумным. В 13 лет Нефед попал в первый набор сту-

А чего стоило вступительное сочинение, написанное зелеными чернилами! Девушки в приемной комиссии сбились с ног, подбирая похожие по цвету, чтобы исправить бесчисленное количество грамматических ошибок. За сочинение он получил «пять».

На третьем курсе Игорь дебютировал в кино — снялся у Михалкова в «Пяти вечерах» с Любшиным и Гурченко. Вообще с кино ему везло. Главные роли у Абдрашитова и Соловьева в «Охоте на лис» и «Наследнице по прямой»,

ры. Жизнь развела их — Нефед ушел к Табакову, ушел по первому зову «отца родного» в только что созданную «Табакерку». Гордая демонстрация талантливых учеников — невинная слабость учителя. Нефедов должен был вернуться «под крыло». И он вернулся, оторвавшись от друзей, ролей настоящих и будущих. Режиссерам не свойственно прощать подобное отступничество, но Бородин был готов в любой момент принять его обратно.

надежде на скорое спасение, как уже случалось?

Его отпели в церкви — вопреки всем догмам и канонам. В гробу он был неправдоподобно взросл и неузнаваем, непокорные темные кудри почему-то распрямилась и были аккуратно уложены. Похорон Лена почти не помнит. Она смогла простить Нефеду лишь много позже. «Я восприняла все случившееся как предательство. Он знал, насколько невыносимо плохо будет мне и нашей дочери».

ИГРАЛИ
ТОВАРИЩА

фильм Нахапетова «Зонтик для новобрачных», «Криминальный талант».

Михалков присмотрел его фотопробу в картотеке «Мосфильма», ему приглянулись смешные оттопыренные уши и шемшица улыбка с трогательно неровным боковым зубом. А Нефед, идя на встречу с режиссером, решил быть красивым и этот живой, здоровый зуб героически сточил у стоматолога. Негодованию Никиты Сергеевича не было предела.

Вся жизнь Нефед — трагикомедия на грани подступающих к гортани слез. Каким он был настоящим — знали только близкие друзья, жена, дочь. Мгновенные переходы от буйного, сметающего все, грохочущего веселья к глубокой черной депрессии...

Одним из лучших моментов юности Нефед и Дворжецких было их путешествие в Утриш, дельфинарий между Анапой и Новороссийском. Три робинзона жили в палатке... Нина отдыхала — мужчины целиком сняли с ее плеч все заботы. Игорь собственноручно стряпал, занимался костром, мыл котелки и ложки. У них потрясающие лица на привезенных оттуда фотопробах. Жаль, в кадре нет Жени — как всегда, фотоаппарат в его руках.

А потом было многое, и они всегда были рядом. Противоречия нефедовской натуры швыряли его из стороны в сторону. Увлечения, романы, срывы, эйфория... В доме Жени и Нины на Колхозной перебивала вся их театральная братия. В этом доме Нефед встретился со своей будущей женой Леной Казариновой, однокурсницей Нины. Роман случился в секунду, хотя знакомы они были к тому моменту уже довольно долго, дружили. Лена была замужем и растила дочь, Игорь тоже не был свободен. Впрочем, свободным он был всегда — от условностей и, наверное, обязательств.

Это было его право. По

А дальше — какой-то непонятный клубок цепляющихся друг за друга событий. Видимое благополучие — полуторамесячные гастроли в Штатах и Японии, любимая роль Адуева-младшего в «Обыкновенной истории», восторженная критика и при этом — засасывающая чернота. Он выпивал уже давно. Замечания, выговоры, предупреждения, снятие с ролей. Модному театру нужны актеры-победители, счастливики, звезды. Проблемный, пьющий, с вечными суицидальными заморочками Нефед не вписывался в общую благостную картину. Его пытались воспитывать — пружина сжималась еще туже.

Нелепо сейчас искать виновных. «Быть или не быть» — Нефед, Гамлет подворотен, этот вопрос уже пытался решить десятью годами раньше. Его вынул из петли товарищ, но страха или раскаяния за содеянное не было. Было лишь полубезысое ощущение свободы. С тех пор мысль о смерти стала навязчивой. Он соорудил петли, вбивал крюки под потолок, невменяемый, кричал жене: «Убери дочь, я это сделаю!»

Ночью 1 декабря 1993 года Игорь пришел к Лене мириться. Для храбрости привел с собой друга, которого тоже накануне помирил с женой. Разговор был долгий и выматывающий. О жизни, о театре, о планах, о дочери. Все вставало на свои места, намечался выход из пике. Потом Игорь собрался за водкой. Его долго отговаривали: дескать, хватит, потом махнули рукой. Лена на прощание притянула его к себе за шнурки капюшона. И он ушел. Друг тоже засобирался домой. Лена уговаривала его подождать Нефеду. Ждал он недолго, вскоре попрощался и вышел. Почти сразу же из коридора донеслись крики и, как показалось Лене, знакомые голоса. «Еще не хватало на весь дом отношения выяснять, всех перебудет». Она решила, что

Дворжик

Так его ласково называли все. Кто мог — напрямик, кто робел — за глаза... За что?

Ощущение нереальности происходящего, невозможности после страшного известия 1 декабря 1999 года не отпускало нас всех. Доли секунд, сантиметры, случайный перекресток, визг тормозов — все сошлось, соединилось, переплелось и обрушилось на Женю. И срикошетило на нас.

О Женной семье, дворянских корнях, прошлом отца, прошедшего ад сталинских лагерей и сумевшего сохранить «душу живу», сказано уже немало. Авторитарное воспитание Вацлава Яновича, по-мужски жесткое, сочеталось с мягкой мудрой уравновешенностью мамы — Ривы Яковлевны.

В мемуарном сборнике «Вацлав Дворжецкий — династия» Женя так вспоминает сложность своих юношеских отношений с отцом: «Владик как-то спросил меня: «Как у тебя с отцом-то?» У него тоже всегда был внутренний конфликт с отцом, потому что и здесь тот хотел, чтобы все делал так, как он считает нужным. Отец всю жизнь строил сам и поэтому думал, что имеет право требовать от близких полного подчинения. Я ответил Владику — мол, сам знаешь как: трудно... И тогда он сказал: «Знаешь, когда у вас с отцом будет все в порядке? Когда он поймет, что ты его можешь на ... послать». Как?! Послат? Отца? Я выпучил глаза и не смог ничего ответить... Потом я понял смысл слов Владика. Дело, естественно, не в том, смогу я или не смогу сказать отцу вот эту страшную фразу, а в том, что когда отец убедится в моей решимости на этот поступок, тогда всё в наших отношениях будет значительно лучше. Ровнее. Тогда я смогу хоть чем-то соответствовать отцу. Тогда я смогу хотя бы разговаривать с

Юрий Щекочихин
ЛОВУШКА №46,
РОСТ ВТОРОЙ
пьеса в 2-х
действиях

Сцена из спектакля «Мы играем Маяковского».
Игорь Нефедов (слева) и Евгений Дворжецкий

лии Табакова — прародительницы знаменитой «Табакерки».

Олег Павлович — ключевая фигура в судьбе Игоря. Окончив школу экстерном, Нефед становится его студентом уже в ГИТИСе. На творческом конкурсе Табаков дал задание абитуриентам — суметь его удивить. А у мэтра под окнами стояла новенькая «Волга». Игорь пошептался с товарищем, и тот влетел в аудиторию с криком: «Олег Палыч, вашу машину угнали!». Побледневший Табаков кинулся к окну и обнаружил «Волгу» на прежнем месте. Вздохнул с облегчением и вернулся за стол. Последним из всех «удивлял» Нефед. Он доверительно прошептал Табакову: «Вашу «Волгу» угнали!» — «Хватит, Игорь, я на одну шутку дважды не ре-

ние его защищать, Женя никогда ни под кого не «прогибался».

Затаенное волнение и гордость за сыновей отец никогда не показывал открыто. Фамилии нужно было соответствовать. Женя работал, доказывая всем и себе — не всегда на делях природа отдыхает. Сравнение с отцом и знаменитым братом, бесконечные интервью с традиционными вопросами — кого-то другого эта ситуация могла бы сломать. Но только не Женю.

тегоричность уступила место мудрости.

Дворжецкого приглашали режиссеры других театров. Он очень своеобразно решил образ Шута («Король Лир» Сергея Женовача в Театре на Малой Бронной). Играл роли классического и современного репертуара в «Школе современной пьесы». А сколько проектов остались нереализованными...

Но любимой ролью этого большого актера была роль Сказочника в «Снежной королеве». Он любил детей, своих и чужих.

Ему страшно нравилось, когда малыши в зале, сопереживая героям, закрывали ладошками глаза и визгивали от страха или громко кричали от восторга. Появление же в 1990 году дочки Анечки превратило его в самого счастливого человека на свете. Он мог рассказывать о ней часами, упоенно, влюбленно, светясь изнутри и тая на глазах, как эскимос. Маленький Мишка по каким-то страшным, не поддающимся пониманию причинам оказался лишенным такого отца. Рождение сына и уход Жени — события одного года. «Великое счастье и великое горе, всё вместе», — сказала Нина. Она не может думать о глубинных, иррациональных причинах случившегося с мужем, это совершенно невыносимо, а ей нужно растить его детей.

И для своих студентов в ГИТИСе Дворжецкий сумел стать не просто наставником. «Дворжецкие ищут дешевой популярности. Студенты таскаются к ним домой, фамильярничают, не соблюдая субординации», — шушукались гитисовские кумушки. Обладая внутренней раскрепощенностью, ясным умом, не связанным догмами, он пытался научить их мыслить, чувствовать фальшь, отличать настоящее.

Жесткий цейтнот, неумение расходиться экономно, про запас, бесконечные съемки, проекты отнимали время и силы. Он относился к жизни, как к своей «девятке», выжимая из нее все, лишь бы не «стоять в пробке», не буксовать на одном месте, лишь бы успеть...

...Владислав Дворжецкий мечтал быть комендантом необитаемого острова и устроить там заповедную зону для зверей и детворы. Не уставать жить — кредо этой семьи.

А у Лены Казариновой, вдовы Игоря Нефедова, недавно зазвонил телефон. «Лена, здравствуй, это Андрей из Тамбова. Прости, что столько лет не объявлялся. Как Игорь? Как Женя и все ребята? Ты чего молчишь-то?» Звонил человек, бывший прототипом юного Чижика в давнем спектакле «Ловушка № 46, рост второй».

● Наталья МАРКИНА

ДВА

Памяти Игоря Нефедова и Евгения Дворжецкого

Нина и Женя Дворжецкие. После свадьбы

В театре Нину и Женю воспринимали как единое целое, даже прозвище у них было общее — Дворжики. Они поженились в марте 1982 года. На регистрацию Женя принес реквизитные наручники и приковал Нину к себе. Много было потом, Женя умел быть очень разным, но радость «попадания», гармонии, обретения единственно родного человека оставалась всегда...

В день, когда узнали о несчастье с Игорем Нефедовым, Женя и Нина были заняты в одном из самых сложных своих спектаклей — «Беренике» Ж. Расина. Пьеса о несчастном благородном римском императоре Тите, разрывающемся между долгом перед империей и любовью к прекрасной Беренике, которую играла Нина, требовала невероятных внутренних затрат. Они узнали о смерти друга перед самым спектаклем. Нина даже не могла заплакать — она была в гриме, актерская самодисциплина не позволяла ей этого. А Женя, не способный заплакать даже в сценах, когда это необходимо, удержать слез не смог. Рвущим душу было то представление...

Жене можно было рассказать все. Важны для него были и проблемы знаменитых друзей, и переживания влюбленной десятиклассницы. Женя мог найти слова, подчас резкие, хлесткие, но единственно спасительные. Юношеская ка-

Игорь Нефедов. 80-е годы